

СЕРГЕЙ КАЛАШНИКОВ

ЛОХАНКА

Москва

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

К17

Серия «Боевая фантастика»

Оформление художника *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Калашников, Сергей Александрович

К17 Лоханка : роман / Сергей Калашников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-110736-9

Наш современник, обычный автослесарь, попал из не слишком успешно строящей капитализм России в эпоху великих строек индустриализации, и совсем уж безоблачное существование ему не светит. Под неусыпным присмотром суровых партийных органов приходится занимать место в рядах строителей светлого будущего. И делать то, что велят. А велено было продолжать ковыряться в любимых моторах, трансмиссиях, подвесках и несущих кузовах — так что без малейших признаков внутреннего конфликта Иван Беспамятный продолжает совершенствовать средства передвижения высокой проходимости, которыми постепенно насыщались советские войска. В результате к началу Великой Отечественной войны техническое состояние РККА оказалось отличным от того, что имело место в реальной истории.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Сергей Калашников, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-110736-9

Глава 1

ЗНАКОМСТВО

— Назовите свои фамилию, имя и отчество, — мужчина в гимнастёрке обмакнул стальное перо деревянной ручки в простенькую стеклянную чернильницу-непроливашку и посмотрел мне в глаза. «Проницательным взглядом майора Пронина», — пришло вдруг на память.

— Не знаю, право, как обращаться... — замялся я, всеми силами стараясь изобразить на лице смущение. — Но только не помню я ни первого, ни второго, ни третьего.

Проницательный взгляд изменился. Теперь он сделался недоверчивым, отчего стало ясно — дольше тянуть паузу и ждать «правильных» вопросов мне не следует — могу нарваться на новые неприятности, хотя мне и предыдущих пока более чем достаточно. Поэтому я принялся сбивчиво «объяснять»:

— Очнулся на берегу весь мокрый. В карманах пусто, никаких вещей при мне нет. Продрог, комары жучат, и ни души вокруг. Кто я, откуда, как сюда попал — ничего не помню. А тут ещё и рвать меня стало водой, и в груди ломит...

— Когда это случилось? — перебил мужчина.

— Так сегодня утром. Как раз рассвело и уже солнышко всходило, — заторопился я с объяснениями.

— И где ты в это время был? — а вот теперь во взоре виден проблеск понимания.

— Как место называется — не знаю. Я оттуда шёл вдоль речки справа от неё. Там ещё тележная колея появилась, так по ней до самого села и добрался. А потом по улицам и к пристани подался — её издалека видать. Ну, а там уже вы меня и повстречали.

Мой собеседник на минутку призадумался, повертел в руках ручку, но положил её наклонно, оперев пером о край непроливашки. Встал, обошел стол и оказался у меня за спиной. Хмыкнул и вернулся на место.

— Голова не болит? — спросил он со скучающим видом.

— У меня вообще всё болит, — протянул я жалобно. — Голова тоже.

— Судя по одежде твоей, думаю я, что ты нэпман. Не иначе ограбили тебя на пароходе — ударили по голове, обчистили и скинули за борт.

— Про одежду ничего сказать не могу, как и про то, чем раньше занимался, — вздохнул я протяжно.

— Чем занимался — по руке читается, — ухмыльнулся мой собеседник. — Давай сюда ладонь.

Никаких причин отнекиваться я не видел — протянул через стол открытую руку и наслаждался произведённым эффектом. По профессии я автомеханик, так что и мозоли у меня имеются там, где оставил их инструмент, и въевшееся в кожу масло образует заметные следы.

— Так ты, товарищ, не иначе из нас — из пролетариев, — отношение ко мне изменилось мгновенно. — Думается мне, из-за одежды тебя бандиты не за того приняли. Небось, на отдых ехал или в гости. А они, гады такие...

— Так не помню я, товарищ...

— ...Агеев я, Дмитрий Иванович, — и посмотрел на меня, будто ожидая, что я тоже представлюсь.

Сокрушённо вздохнув, я пожал плечами.

Агеев тоже вздохнул и принялся за писанину, давая мне время оглядеться. Комната в одно окно обшита изнутри досками и окрашена в какой-то бледный невыразительный цвет зеленоватого оттенка. Кроме письменного стола самого непритязательного вида — короткий рядок стульев вдоль одной из стен, железный шкаф и календарь на стене. Старый добрый отрывной календарь поведал мне, что у нас на дворе июль тысяча девятьсот двадцать девятого года. Значит, мой дед сейчас как раз начинает ползать... но это очень далеко отсюда.

Да уж, закинуло меня так закинуло. Как чувствовал — нет дыма без огня: коли сочиняют люди

книжки про попаданцев — стало быть, есть для этого какие-то основания.

Так вот — часов на стене нет, как нет их и на руке моего собеседника. Но до полудня ещё далеко — это я и так знаю, потому что времени после рассвета прошло совсем немного — часа три-четыре.

Что сказать о человеке, задержавшем меня среди базара, что у пристани? Дмитрий Иванович на вид имеет возраст около сорока лет, носит буденновские усы. Обут в сапоги — точно знаю — не кирзовые, но какой кожи, на глаз не определю. Синие галифе и гимнастёрка защитного цвета, перепоясанная обычным ремнём без бляхи. Лежащая на краю стола фуражка имеет след от снятой красноармейской звёздочки. Сама она выгорела до потери определённого цвета, и края чехла у неё заметно опали, прикрывая верхнюю часть околышка.

По всем признакам — человек он штатский, просто такая манера одеваться для этого времени не редкость. Кобура же с револьвером на поясе... получается, что человек при исполнении. Чего он тут исполняет — не ведаю. Я, признаться, и не помню наверняка, какая организация в эти времена главная ответственная за порядок: ЧК, ОГПУ или НКВД. Я и в своё-то время не разбирался, в чём разница между СОБРОм, ОМОНОм и перронным контролем, как и в том, зачем нужны МВД, ФСБ и МЧС. В смысле — зачем они разные.

Ну да, начальству виднее. Моё дело — машины починять.

Пока я осматривался да размышлял, протокол был написан и дан мне для прочтения и подписи. Закорючку, что на автомате вывела моя рука, Дмитрий Иванович внимательно изучил, но ничего определённого по этому поводу не высказал — не угадываются из неё ни фамилия, ни инициалы.

— Во Владимировку съездим, — сказал он удовлетворённо. — Обязательно нужно показать тебя доктору.

То обстоятельство, что здесь в Петропавловке нет нужного врача, меня не удивило. Наверняка речь идёт о психиатре, которого в посёлке при пристани может и не быть. Так что я слабо кивнул, выражая покорность судьбе, и последовал за Агеевым.

* * *

Автомобиль, стоящий в тени тополя, меня не удивил. Поражало, скорее, то, что это вообще способно ездить. Созданный, похоже, ещё до Империалистической войны на заводе Руссо-Балт, он должен был уже несколько лет как уйти на переплавку. Тем не менее машина явно была на ходу. По крайней мере — недавно. Потому что именно сейчас водитель ковырялся в моторе, нелицеприятно о нём отзываясь. Видимо, привычный к этой картине, Дмитрий Иванович присел

на лавочку неподалеку, не пытаясь подстегнуть события упрёком или окриком.

Ну, а я полез помогать — мне действительно было интересно поковыряться в этом антиквариате. Засорившийся карбюратор, если не умничать — обычное дело. Мы с Петром — водителем этого керогаза — успели всесторонне обсудить привычную проблему... ну, и как устроить фильтр — тоже придумали. Правда, я не знал, где взять для него фильтровальной бумаги, зато Дмитрий Иванович со своего места «в партере» подсказал насчёт промокашек, которые я только раз и видел каком-то старинном мультике. Куда уж мне догадаться о том, что нынче они — обычное дело.

А потом мы поехали. Грунтовая дорога нещадно пылила, через Мурню вместо знакомого мне бетонного автомобильного моста был перекинут узкий настил, положенный на деревянные сваи, зато железнодорожный мост вдали ниже по течению был там же, где и в моё «бывшее» теперь время — я знал эти места по двадцать первому веку и не удивлялся отличиям. Подъём из поймы в степь, прорытый в высоком глинистом обрыве, оказался заметно уже и немного круче, чем «раньше». А потом мы свернули налево и вскоре прибыли в соседнее село, где вокруг базарной площади толпились дома: или целиком кирпичные, или с каменным первым этажом. Большинство — двухэтажные.

Жаркий летний день тут в Нижнем Поволжье, разогнал народ в тень, так что никакого столпотворения не наблюдалось. Флегматичный верблюд жевал что-то, в пыли ковырялись грязные куры, а доктор, к которому мы приехали, был занят. Впрочем — недолго.

Выслушав объяснения Агеева, этот средних лет мужчина деловито занялся мной. Такое впечатление, что психиатры рождаются с молоточком в руках. Или он невропатолог? Я в них не сильно разбираюсь, а называли его просто доктором и по фамилии. Этот доктор тоже поводил молоточком у меня перед носом, и по коленке стукнуть не забыл. Осмотрел и ссадину на голове — не зря я старался, наносил её себе сегодня утром... хоть и больно было, но людям для принятия «верных» решений требуются основательные причины. После ряда вопросов, на которые я твёрдо ответил: «не помню», прозвучало заветное слова «амнезия». Признаться, я надеялся, что к этому добавится ещё и определение «посттравматическая», но почему-то не дождался. Некоторое время потребовалось на составление каких-то бумаг. Потом был визит к фотографу, где меня запечатлели и в фас и в профиль.

— В общем так, товарищ! — сказал Агеев, когда со всем этим было покончено. — Пока мы здесь, надо бы выправить тебе удостоверение личности. А потом, как фотографии высохнут, так и вклеим.

Сам понимаешь, сколь удобней было бы, окажись при тебе документ. Тем более — память тебя, вишь как подвела. Фамилию тебе дадим «Беспамятный». Ну, а имя и отчество — соображай, какие нравятся.

— Так, давай Иваном Сергеевичем назовусь, — ответил я не задумываясь. Дело в том, что это действительно мои имя-отчество. Если так меня и станут окликать, то причин для путаницы в будущем окажется меньше.

— Вот и ладно.

Мы посидели немного в тени деревьев — тут что-то вроде сквера или парка, только очень маленького размера. Потом забрали у фотографа готовые портреты и зашли в одно из учреждений в комнату на первом этаже, где прямо с моих слов мне в два счёта красиво оформили вполне приличную бумагу. А тут и водитель подтянулся — он прошёлся по лавкам и теперь нёс несколько свёртков.

— Вот ещё что, Иван Сергеевич! — с видимым удовольствием обратился ко мне Дмитрий Иванович. — Работать я тебя определяю в судоремонтные мастерские. Ну и на квартиру пристрою. Тебе ведь нынче всё без разницы, а жить на что-то нужно. Пусть и с самого начала, но не на пустом же месте.

— Спасибо, товарищ Агеев, — ответил я с обречённым видом, хотя на самом деле был донельзя доволен — мне предложили как раз те самые

шаги, делать которые было необходимо в любом случае. А тут, можно сказать, за ручку приводят к нужному месту. Мы ведь когда сюда ехали ещё по острову мимо причалов, я видел десятки мужиков, что на тачках перевозили соль от вагонов на баржи. Это далеко не та работа, выполнять которую хотелось бы всю оставшуюся жизнь. Другое дело — мастерские. Там, конечно, тоже вряд ли имеется существенная автоматизация или механизация, но деятельность типа «бери больше — кидай дальше» меня вообще никогда не прельщала. Монотонный однообразный труд — утомительная штука. Он не обещает ни вдохновения в процессе, ни удовлетворения в финале.

* * *

Обратная дорога через голую степь до спуска в пойму была прокалена лучами жаркого полуденного солнца и покрыта толстым слоем раскатанной в пудру пыли, из-под которой местами проглядывала твёрдая корка глины. Плотный непрозрачный шлейф поднимался позади нашего экипажа, а я невольно прислушивался к звукам мотора — его песня для меня — открытая книга. Пусть он стар и сконструирован в незапамятные времена. Пусть уровень компрессии в нём способен вызвать только грустную улыбку, но клапана отрегулированы не слишком хорошо, да и поршневые кольца поизносились. Впрочем, есть ли они

здесь, я не уверен. Не заглядывал в цилиндры. А конструкторы прошлого могли думать вовсе не так, как я.

По тому же мостику мы переехали сонную Мурню и быстро добрались до Петропавловки, которую и проехали насквозь, двигаясь вдоль берега просторного затона. Слева, как и в моё время, тянулись одноэтажные домики в окружении садов. Справа — гладь реки, на которой маячила заякоренная баржа, ожидающая буксира. Она низко осела, заполненная Баскунчакской солью так, что вершины горок сероватого цвета виднелись поверх бортов.

Постройки на берегу — сараи, бараки и паратройка вполне завершённого вида домиков — это и были судоремонтные мастерские. Тут Агеев «отпустил» машину с водителем. Вернее, он велел Петру куда-то поехать и что-то привезти, но я не вслушивался — дело в том, что трудиться в этом убогом учреждении мне ни капельки не хотелось. Хотя вряд ли что-то более цивилизованное отыщется здесь прямо сейчас. С другой стороны — не в моём положении особо капризничать — и без того влип по самое не хочу.

Надеюсь, вы меня понимаете: приехал в отпуск порыбачить и «улетел» в прошлое аж на восемьдесят четыре года. Как раз в самые непонятные времена, когда, насколько я помню, начинались индустриализация, коллективизация и масса

других событий... что-то даже о голоде припоминается. Нет, дат я не знаю, но общее впечатление такое, что на волне классовой борьбы сейчас происходит масса потрясений. А жить в эпоху перемен — удовольствие сомнительное. Сам-то я в лихие девяностые был ещё пацаном, но и мне впечатлений перепало достаточно. Ну, когда в семье царит чувство неуверенности в завтрашнем дне — это напрягает не по-детски.

В общем, вместо того, чтобы прислушиваться к чужим разговорам, я брал себя в руки и справлялся со внутренним протестом. Потому что не заслужили мои спутники инсценировки в стиле: «ах какой я весь из себя несчастный» — они помогали мне деловито и целеустремлённо. Для жителя крупного города страны, вставшей на рельсы капиталистического развития, это не слишком характерно — уж поверьте мне. Но в глубинке люди другие даже сейчас... то есть не прямо сейчас, а там, в будущем. А уж нынче... впрочем, как говорится, будем посмотреть. Я тут — человек новый.

* * *

— Механик, говоришь? Это хорошо, — плотный дядька во френче привычным жестом поправил пенсне и принялся листать лежащую перед ним на столе амбарную книгу. — Механик это хорошо. Так ты, Иваныч, рекомендуешь, значит,